

*Автор благодарит за помощь
Милу, Ирину, Федора, Сергея,
Виктора и Вовочку*

Глава первая

РАССКАЗ НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Далась им эта любовь, подумал Собкор, шагнув на эскалатор и разглядывая наплывающий сверху рекламный щит. Реклама была такая: рука в старинной кожаной перчатке держит пышную розу за шипастый стебель, внизу двестишье:

*Чтоб не пораниться колючками любви,
«Трех мушкетеров» ты на помощь позови.*

И ниже готическими буквами: «Презервативы «Три мушкетера». Размеры «Портос», «Атос», «Арамис».

Стишки, конечно, дрянь, но с формальной точки зрения и они тоже поэзия. Разве не странно, что из трех основных инстинктов — насыщения, самосохранения и продолжения рода — поэзия зациклилась именно на третьем, наименее важном. Есть ли хоть одно гениальное стихотворение, воспевающее чувство голода или страха? Нету. А между тем пустое брюхо или смертный ужас — ощущения посильней любовного томления. Подумаешь, любовь. (Тут Собкор сердито покачал головой.) Теперь вот никакой любви нет, она пятьсот семнадцать дней как на Ваганьковском, а ничего, жить можно. Даже еще лучше, чем прежде. А будь любовь жива, Великая Тайна нипочем бы не открылась. Жил бы себе дурак дураком — «По-

ле чудес» смотрел да грядки на даче копал. А потом помер бы слепым бараном, не найдя Пути.

С другого плаката, уже не рекламного, а так, для улучшения настроения, Собкору посылала воздушный поцелуй девушка в метрополитеновской форме. «Легкого вам пути», было написано под девушкой. Он вежливо поклонился, сказал: «Спасибо».

Увидел щит, призывающий хранить деньги в отделениях кредитно-сберегательного товарищества «Капитан Копейкин», и уже достал блокнот — взять на заметку, для последующей проверки, но тут углядел впереди непорядок: какой-то парень стоял рядом с размалеванной девицей, загородив проход. Собкор поднялся на несколько ступенек, тронул нарушителя за плечо, сказал:

— Стойте справа, проходите слева.

Нарушитель открыл было рот — наверное, собирался сказать грубость, но, повнимательнее посмотрев в строгие, ясные глаза Собкора и задержавшись взглядом на широких плечах (вот они, утренние пробежки и гантели), посторонился.

Пришлось и дальше идти пешком, хотя до верха было еще ого-го сколько. Ничего, это полезно для укрепления мышц.

Больше слева никто не стоял, но, пока поднимался, Собкор успел сказать «Нет» плакату шампуня, призывавшему: «Скажите «нет» перхоти», и спросить «Как?» у тетки со значком «Хочешь похудеть, спроси меня как».

— Что? — сначала удивилась тетка, а потом спохватилась, заулыбалась. — Вы хотите похудеть?

— Нет, — ответил он. — Я уже похудел. Раньше был живот, а теперь видите? — Обтянул на себе пиджак, чтобы она увидела, какая у него замечательная фигура.

— Зачем же вы тогда спрашиваете, как похудеть? — еще больше удивилась тетка.

— Я не спрашивал вас, как похудеть. Я просто спросил: как? Как вам не стыдно обманывать людей и наживаться на их доверчивости? Чтобы похудеть, нужно мало есть, и никаких других способов не существует. Я вот перестал есть и похудел на тридцать два килограмма.

Шарлатанка заоглядывалась, голос стал жалобным:

— Что вы ко мне пристали? Кто вы вообще такой?

— Собкор, — ответил он и улыбнулся, потому что звучание этого слова доставляло ему удовольствие.

— А? Чего? — растерялась тетка.

— Вы хотите знать, собкором чего я являюсь? — вежливо осведомился он. — Правды. Всего вам наилучшего. Задумайтесь, правильно ли вы живете.

Дотронулся двумя пальцами до краешка воображаемой шляпы и ступил с распластавшейся ступеньки эскалатора на серый пол вестибюля.

Так. Где тут выход на Солянку? Ага.

В рекламном объявлении был только контактный телефон, по которому Собкору задали множество совершенно излишних, необязательных вопросов, но хватка у него была профессиональная, журналистская, и своего он добился, выпытал-таки адрес.

Собкор достал из кармана сложенный вчетверо лист еженедельной газеты «Эросс», развернул. Вот оно.

Здоровенное объявление, во всю полосу. Собкор позвонил в рекламный отдел «Эросса», омерзительного порнографического издания, которое он регулярно покупал в киоске (надо ведь отслеживать степень падения нравов), и выяснил, что объявление на всю полосу стоит пятнадцать тысяч долларов. Значит, у специалиста по умным советам денег куры не клюют, бизнес процветает. Ну и название — «Стра-

СТРАНА СОВЕТОВ

Вам нужен добрый совет, но вы не знаете,
к кому обратиться?

Готовитесь принять важное решение
и колеблетесь в выборе?

Вам кажется, что всё пропало,
что выхода нет?

**БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЙ НЕ БЫВАЕТ!
ВЫХОД ЕСТЬ ВСЕГДА!**

Его найдет для вас специалист по умным советам

**МАГИСТР Н. ФАНДОРИН,
ПРЕЗИДЕНТ «СТРАНЫ СОВЕТОВ» —
волшебного государства,
куда не нужна виза
и где каждого гостя встретят
с уважением и пониманием.**

Результат гарантирован!

Контактный телефон

7-095-8887777

на советов». Это у них, современных циников, называется стёбом. Ничего, еще посмотрим, кто будет смеяться.

Здесь же, на газетной странице, мелким, дерганым почерком был записан продиктованный по телефону адрес: ул. Солянка, дом 1, офис 13-а.

Свернув лист и сунув его обратно в карман (там лежала еще одна бумага, и пальцы Собкора любовно погладили ее плотные, острые края), он двинулся налево по подземному переходу.

Каждый раз перед выездной сессией охватывало особенное волнение, пожалуй, составлявшее главную прелесть возложенной на него миссии. С чем бы сравнить это ощущение? Будто грудь всасывает не мутный московский воздух, а охлажденное шампанское, которое щекочет бронхи и трахею веселыми пузырьками. Но это не самодовольство и, упаси Боже, не кураж — мол, захочу казнь, а захочу помилию. Никакого произвола, никакой предвзятости. Раз ты избран быть взыскующим оком и указующим перстом, изволь отрешиться от всего личного, не зарывайся.

А все же, знать, есть во мне что-то особенное, если избран именно я, подумал Собкор, посмотрел на себя в витрину киоска и остался доволен: статная фигура, гордая осанка, костюм — мешковатый, но элегантный, а ведь куплен еще в семьдесят седьмом, во время бейрутской командировки.

Дом номер один по улице Солянке раскинулся чуть не на целый квартал, был он с несколькими дворами и множеством подъездов. Поди-ка отыщи, где тут офис 13-а.

Ничего, нашел.

Любопытная оказалась фирма «Страна советов»: ни вывески, ни таблички. Знать, не афиширует магистр Н. Фандорин перед соседями свой бизнес.

Горячо, подсказал участившийся стук сердца, горячо!

Подъезд, правда, разочаровал. Ни охранников, ни консьержки, даже кодового замка нет — входи кто хочет. Стены облупленные, лифт допотопный.

Ясное дело: прибедняется цельнополосный рекламодатель, уклоняется от налогов, не желает делиться с обществом своими жульническими доходами.

На пятом этаже медная табличка — просто «Офис 13-а», и всё. Открыла Собкору длинноногая красавица с фиолетовыми волосами и шальными зелеными глазами. Кожаные рейтузы в обтяжку, высоченные каблуки, оранжевого цвета губы.

— Я не ошибся? — спросил Собкор. — Здесь находится фирма «Страна советов»?

И холодок разочарования: а что если это просто бордель? Вот ведь и реклама напечатана не где-нибудь, а в газете «Эросс». Тогда время потрачено впустую, мелкие грешки не по нашей части.

— Абсолютно, — ответила впечатляющая девица. — Зо вас?

Это по-немецки, не сразу догадался Собкор. Означает: «Ну и?» Не очень-то любезно.

— Я прочитал в рекламе, что здесь торгуют советами... А у меня как раз такая ситуация, что очень нужно посоветоваться...

Нарочно так сказал. Если тут публичный дом, сразу дадут от ворот поворот.

Но экзотическая красотка кивнула:

— Клиент? По рекламе? Антре.

Тоже еще полиглотка выискалась.

Вид офиса подтверждал гипотезу о намерении надуть фискальные органы. Бывшая коммуналка, никаких особенных евроремонт. Коридор с какими-то гравюрками по стенам вывел в маленькую приемную: письменный стол с оргтехникой, диванчик, кактус на

окне — в общем, кто честной бедности своей и всё такое прочее.

Разноцветная нимфа уселась за компьютер, из чего следовало, что она здесь трудится секретаршей. Собкор только головой покачал. Должно быть, к приходу налоговых проверяльщиков эта Гелла смывает косметику и переодевается скромницей, а то на нее достаточно посмотреть — сразу ясно, за какую работу ей платят зарплату и, можно быть уверенным, не маленькую.

— Логин? Пароль? — спросила фифа, щелкнув по клавиатуре, и Собкор снова забеспокоился — не вышло ли ошибки. Пароль? Здесь что, какой-то закрытый клуб?

— Имя, цель визита? — вздохнув, перевела сама себя секретарша.

Окинула посетителя взглядом и наморщила носик, в точенном крыле которого посверкивал маленький бриллиант. Собкор иронически улыбнулся — стало быть, не произвел на нее солидного впечатления.

— Пишите: Николай Иванович Кузнецов. — Сделал паузу, уверенный, что это имя поколению фиолетововолосых и оранжевогубых ничего не говорит. Так и есть — секретарша как ни в чем не бывало запорхала пальцами по клавишам. — А про цель визита я сообщу самому магистру. Можно войти?

Он кивком показал на дубовую дверь, за которой, очевидно, располагался кабинет проходимца.

— Абонент временно недоступен, — буркнула нахалка, отвернувшись от неинтересного клиента.

Достала зеркалаще, полюбовалась на свою холеную мордашку. Потом поджала губы, поелозила ими туда-сюда. Он знал: это чтобы помада легла равномерней. И Люба так делала. Только помада у нее была приличного цвета, светло-розовая.

Воспоминание относилось к прежней, ненастоящей жизни, и Собкор затряс головой, отгоняя его прочь.

— Я не понял. Его нет на месте? Или у него посетитель?

Секретарша опять ответила непонятно:

— Шеф путешествует во времени. Хотите — ждите. Вон, в чилл-ауте. — И мотнула головой в сторону диванчика.

Если б были собственные дети, я бы, наверное, лучше понимал язык современной молодежи, подумал Собкор. А так, без домашнего репетитора, чувствуешь себя с новым поколением каким-то иностранцем.

На столике вместо обычных журналов лежали альбомы с репродукциями. Репин, Васнецов, Лансере, Борисов-Мусатов.

Полистал немного. Хорошо раньше художники писали, не то что нынешние.

— Шит-мерд-шайзе! — Секретарша бросила зеркальце на стол. — Не розовый, абсолютно!

Выскочила из-за стола, убежала в коридор, сердито топоча каблучками.

Истеричка. Ведет себя, будто она здесь одна. Или носом чует, у кого есть деньги, а у кого их нет? Которые без денег для нее не люди.

А я теперь и есть не вполне человек, сказал себе Собкор, и внутри у него всё затрепетало, потому что приближался Миг Истины, высокаторжественный момент Принятия Решения. Тут следовало положиться на первое впечатление, не искаженное фильтром логики и предубеждения, прислушаться к голосу собственного сердца, которое есть частица Бога. Не шутки ведь, человеческая жизнь на весы положена, пускай даже человечешко гад и обманщик. Права на ошибку нет, слишком высока и страшна возложенная ответственность.

Собкор поднялся и, коротко постучав, открыл дубовую дверь.

Кабинет у «президента волшебного государства» был просто тошнотворный. Во-первых, огромный монитор на столе (это у них, новых русских, такая мода — чем больше пластмассовый ящик, тем, как они выражаются, «круче»). Во-вторых, на стене висел старинный портрет какого-то царского чиновника в вицмундире (тоже мода, любой прощелыга нынче — непременно столбовой дворянин и кичится аристократическими предками). В-третьих — какие-то застекленные дипломы (насмотрелись, низкопоклонники, голливудских фильмов). А венец всему — маленький баскетбольный щит в углу. Яппи доморощенный!

И у самого видок соответствующий. Гладкомордый, подтянутый, с аккуратным пробором, в твидовом пиджачке, из кармана торчит платочек в тон галстучку. Фитнес-центр, гольф-клуб, искусственный загар, тьфу!

Н. Фандорин быстро повернул свой монитор-переросток, чтобы вошедший не увидел даже краешек экрана (знать, есть что скрывать!), и поднялся. Ну и дылда — метра два, вряд ли меньше. Губы магистра механически растянулись в улыбке, однако в серых глазах читалось недвусмысленное: принес же тебя черт.

Еще бы! Ведь в эту самую минуту решалась судьба Данилы Фондорина. Сумеет ли юный сержант Семёновского полка попасть в камер-секретари к супруге наследника престола, будущей великой императрице. Для этого нужно было пройти испытание — разгадать хитроумную загадку, предложенную Екатериной Алексеевной. При неудаче Данила попадал на гауптвахту, откуда не так-то просто выбраться, а играющий терял очки и время.

Странное занятие для сорокалетнего отца семейства — сочинять компьютерные игры, да еще в рабочее время. Добро бы на заказ, а то исключительно для собственного удовольствия. Кому еще могут быть интересны квесты и бродилки, героями которых являются твои предки, все эти присыпанные песками времени фон Дорны, Фондорины и Фандорины, секундмайоры, камер-секретари, статские советники? Вот, может быть, когда сын подрастет...

Ах, если б получше разбираться в программировании, да иметь высококлассную аппаратуру, тогда можно было бы создать полноценную игру с анимацией и умопомрачительными эффектами, а так приходилось довольствоваться чем-то вроде диафильма. Молодую Екатерину Ника сосканировал с портрета Торелли, только убрал царскую корону. Даниле досталось лицо романтического красавца Ланского — изображений далекого предка в семье не сохранилось. Бог знает, как Данила Ларионович выглядел на самом деле.

От екатерининского камер-секретаря уцелела одна-единственная реликвия, листок с росчерком: *«Вечно признательна. Екатерина»*.

Летописец рода, Исаакий Самсонович Фандорин, живший в первой половине девятнадцатого столетия, сопроводил знаменательный документ сухой припиской: «Собственноручная роспись ЕИВ государыни императрицы Екатерины Великой», воздержавшись от каких-либо комментариев. Может, вовсе и не Даниле сулила вечную признательность Новая Семирамида — это уж были Никины предположения, хоть и вполне правдоподобные, если учесть близость предка к всероссийской самодержице.

За что признательна — вот вопрос, ответ на который теперь, два с лишним века спустя, сыщется разве что в игре «Камер-секретарь». Никакой ответствен-

ности и полный простор для фантазии, то есть абсолютная противоположность всему, чему учили Николаса Фандорина в Кембриджском университете. Жалкая участь для магистра истории: вместо того чтобы стать серьезным исследователем, превратиться в сочинителя псевдоисторических сказок. Но, поразительная штука (в этом Ника мог признаться разве что самому себе), сказки занимали его воображение гораздо больше, чем научно доказанные факты.

Скрестятся ли судьбы семеновца и великой княгини, получит ли Данила возможность оказать Екатерине таинственную услугу, которая, быть может, изменит ход российской истории, — вот к какому нештучному перепутью подобрался Николас Фандорин, когда дверь кабинета вдруг распахнулась и на пороге возник сутулый человек в мешковатом костюме из давно позабытого синтетического материала (кажется, он назывался «кримплен»), с подложенными плечами и широкими, острыми лацканами — просто ходячий привет из семидесятых.

— Вы ко мне? — глупо спросил Фандорин (ну конечно к тебе, к кому же еще?) и стыдливым школярским движением повернул к себе монитор, чтобы человек не увидел Данилу (вид сзади) и Екатерину Алексеевну (анфас).

Нужно было возвращаться из восемнадцатого столетия в двадцать первое.

После того как жена подарила Нике на день рождения цельнополосную рекламу в своей газете, в офис «Страны советов» валом повалили посетители. Правда, по большей части из «эроссиян», как называли себя постоянные читатели «Эросса», издания специфического или, как теперь говорят, узкопрофильного. Прежде всего «волшебным государством, куда не нужна виза» заинтересовались половые затейники, вообразившие, что магистр Н. Фандорин сулит им